

6. Камінський С. А. Історія Речі Посполитої як історія багатьох народів, 1505 – 1795. Громадяни, їхня держава, суспільство, культура. — К.: Наш час, 2011. — 263 с.
7. Сиповская Н. В. Фарфор в России XVIII века. — М.: Пинакотека, 2008. — 392 с.
8. Тищенко О. Тищенко О.Р. Історія декоративно-прикладного мистецтва України (XIII-XVIII ст.) : навч. посіб. для вузів мистецтва та культури. — К.: Либідь, 1992. — 191 с.
9. Чміль Л. В. Ужиткова кераміка XVII ст. з розкопок Вознесенського жіночого монастиря у Києві // Лаврський альманах. Києво-Печерська Лавра в контексті української історії та культури: Збірник наукових праць. — К., 2007. Вип. 17. — С. 164 – 170.
10. Шероцкий К. Очерки по истории декоративного искусства Украины. Художественное убранство дома в прошлом и настоящем. — К.: Тип. С. В. Кульженко, 1914. — 141 с.
11. Школьна О. В. Фарфор-фаянс України ХХ століття: інфраструктура галузі, пром. та екон. політика, орг.-творчі процеси. — К.: Інтертехнологія, 2011. — 400 с.
12. Яковенко Н. Дзеркала ідентичності. Дослідження з історії уявлень та ідей в Україні XVI – початку XVIII століття. — К.: Laurus, 2012. — 472 с.
13. Яковенко Н. Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII ст. [Електронний ресурс]. Режим доступу: <http://history.franko.lviv.ua/PDF%20Final/Jakovenko.pdf> (дата звернення: 28.08.2013).
14. Яременко М. Насолоди освічених в Україні XVIII століття (про культуру вживання церковною елітою чаю, кави та вина) // Київська академія. 2012. Вип. 10. — С. 117 – 184.

В. Н. Константинова

ГОРОДСКАЯ И СЕЛЬСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТИ ПРИАЗОВЬЯ: УСТНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Наряду с региональными идентичностями имеет смысл обратить особое внимание на другие идентичности, исторически формировавшиеся и трансформировавшиеся в контексте урбанизационных процессов. В первую очередь речь идет именно об идентичностях городской и сельской. Для их изучения немалый интерес представляет Северное Приазовье как регион Украины.

С точки зрения урбанизационных процессов Северное Приазовье было и остается регионом весьма специфическим. Достаточно вспомнить, что фактически не имея в последней четверти XVIII в. устоявшихся традиций городского образа жизни (в отличие от, скажем, центральных регионов Российской империи и СССР, давних «городских традиций»), он уже в середине XIX в. превратился в мощный урбанизированный край, причем именно на его городах были «завязаны» и торговля, и сельское хозяйство, и промышленность зна-

чительно более широкого региона, чем именно Северное Приазовье. Приазовские города стали своеобразными «воротами» в мир, имея масштабную экспортно-импортную торговлю, в первую очередь торговлю зерном и тем самым создавая благоприятные предпосылки для развития в крае буржуазных отношений еще до отмены крепостного права и других либеральных реформ 1860-70-х гг. Специфичности городам края добавлял и их чрезвычайно пестрый этнический состав, прочная основа которого была заложена еще характером действий имперского российского правительства по заселению «Дикой Степи» (симптоматично, что недавно, в конце 2008 года, город Северного Приазовья — Мелитополь — был назван Советом Европы как образцовый в плане мирного сосуществования представителей более 100 национальностей). Целый ряд специфических черт имело развитие социальной структуры, культуры городов Северного Приазовья. Причем речь идет как о временах Российской империи, так и о 20-30 -х годах XX века.

Для изучения городской и сельской идентичностей региона одних письменных источников явно не достаточно: назрела необходимость в расширении актуализированной источниковой базы за счет, в частности, введения в научный оборот материалов устной истории, свидетельств старожилов края. Именно этот комплекс источников может репрезентовать восприятие населением урбанизационных процессов, помочь увидеть образы городов и горожан, сел и их жителей.

На выявление указанного нарратива, на исследования устной истории были направлены организованные мною экспедиции в рамках проектов «Феномен восприятия урбанизационных процессов в крестьянской традиции (на материалах полевых экспедиций по селам Южной Украины)», «Свои среди чужих, чужие среди своих?»: Восприятие горожанами Северного Приазовья крестьян-переселенцев и место последних в социальной структуре городов края первой трети XX века (проект историко-археографических экспедиций)», «Образы городов Юга глазами украинского населения: специфика восприятия украинцами «неукраинского городского пространства»».

Изложение методологии и некоторых результатов одного из этих исследований и является целью этой статьи.

Не смотря на свою значимость и специфичность, история Северного Приазовья в целом и его городская история в частности до недавнего времени оставались на обочине научных исследований. Лишь в последнее время соответствующая проблематика стала активно изучаться. В частности, появился ряд изданий, посвященных истории города Бердянска [1; 3; 4; 8; 15; 18].

При этом наряду с документальными источниками по истории городов региона и Приазовья в целом, в научный оборот все активнее вводятся нарративные источники [2], устноисторические [7; 10; 12; 13].

Расширение источниковой базы по истории урбанизационных процессов в регионе, дальнейшее изучение городской и сельской идентичности были составляющими цели проекта ««Свои среди чужих, чужие среди своих?»: восприятие горожанами Северного Приазовья крестьян-переселенцев и место последних в социальной структуре городов края первой трети XX века (материалы историко-археографических экспедиций)».

При определении круга респондентов было решено, что будут опрошены две категории нынешних горожан:

- 1). Те, кто родились в городах Северного Приазовья;
- 2). Те, кто в детстве или юношестве переехали из села в один из северноприазовских городов.

Это должно было дать возможность всесторонне исследовать проблемы восприятия различными по происхождению группами городского населения места крестьян в социальных трансформациях городов Северного Приазовья.

Итак, должны были опрашиваться респонденты, которые старше 80 лет, родились или обязательно провели годы детства и юности в городах Северного Приазовья. При этом при опросе следовало сосредоточиться на событиях и воспоминаниях, относящихся к периоду до середины 1930-х годов, то есть включая период Голодомора, который существенно изменил и восприятие города крестьянами, и восприятие горожанами Северного Приазовья крестьян-переселенцев.

Акцент был сделан на мини-экспедициях, проводимых студентами и магистрантами преимущественно в тех городах, откуда они родом, а значит, где их принимают за «своих». Это должно способствовать преодолению психологического барьера между интервьюером и респондентом.

Предполагалось, что тексты-транскрипции источников устной истории будут систематизированы по географическому принципу, в зависимости от места проживания респондентов, так, чтобы читатель мог осуществить воображаемое путешествие Северным Приазовьем, постепенно продвигаясь из города в город с востока на запад.

При обработке собранных устных источников были взяты за основу рекомендации, выработаны в результате обсуждения и апробации проекта «Правил издания источников устной истории» [14]. Правда, с учетом модификаций, внесенных мной при реализации проекта «Феномен восприятия урбанизационных процессов в крестьянской традиции ...».

В ходе реализации проекта было записано устноисторическое интервью с 121 старожилом, представляющих все города Северного Приазовья.

Относительно восприятия горожанами Северного Приазовья крестьян-переселенцев и места последних в социальной структуре городов края первой трети XX века, нужно четко понимать, что в рамках одной статьи невозможно их ни «всеобъемлюще» проанализировать, ни тем более проиллюстрировать всеми выявленными в интервью примерами. Поэтому лучший путь — археографические издания материалов экспедиций, которые дадут возможность каждому исследователю увидеть в них то, что его больше интересует. Часть интересных в контексте заявленной проблематики интервью сейчас готовится к публикации.

Поэтому ниже приведу лишь некоторые наблюдения, касающиеся интересной нам тематики (причем это будет сделано в сопоставлении с материалами экспедиций, которые проводились в сельской местности Северного Приазовья).

Первая треть XX в. отмечалась коренными изменениями не во всех сферах жизни городов Северного Приазовья (как и в целом страны, в состав которой входил этот подрегиона). Потрясения времен Первой мировой войны, освободительной борьбы, голодомора 1920 – 1921 годов, новой экономической политики, индустриализации, коллективизации, Голодомора 1932 – 1933 годов напрямую влияли и на направления, и на характер, и на темпы урбанизационных процессов в крае. Они во многом оказались определяющими при формировании состава горожан, напрямую отразились на темпах пополнения городского населения за счет переселенцев из сельской местности. Все это очень четко отразилось в записанных интервью.

Нет ничего удивительного в том, что среди опрошенных старожиллов большинство родились в деревне, и только потом, в годы детства или юношества, переселились в города. Коренные же, потомственные, горожане составляют весьма небольшой процент опрошенных. Здесь сказалась и динамика изменений численности городского населения в указанный период.

При этом не стоит переоценивать уровень мобильности населения Северного Приазовья первой трети XX в. Если большая часть старожиллов, опрошенных в сельской местности, категорически заявила, что в годы детства и юношества ни разу не посетила даже ближайшего к их населенному пункту города, среди опрошенных старожиллов-горожан лишь считанные единицы сообщили, что переселились в годы детства или юношества в Северное Приазовье из городов, находящихся за пределами этого подрегиона.

Что же касается опрошенных переселенцев в города, то чаще всего причиной выезда из села назывались поиск работы, материальное положение или голод. Как правило, в та-

ких случаях респонденты переселялись в города с другими членами их семей. В ряде случаев в город перебирался на заработки сначала глава семьи, а уже позже, обосновавшись, перевозил на новое место своих родных. Достаточно распространенной была практика, когда крестьяне оставляли своих детей на квартирах у своих родственников-горожан. Еще одним каналом мобильности, довольно часто упоминаемым респондентами, было переселение юношей и девушек в город с целью обучения, после чего многие не возвращались домой, найдя работу и обосновавшись в городе.

Весьма показательно, что даже, несмотря на то, что среди городского населения был весьма велик процент «вчерашних» крестьян, абсолютное большинство старожилов подregions, опрошенных в сельской местности, отмечали существенную разницу между горожанами и крестьянами. Чаще всего речь идет о различиях во внешнем виде, одежде. Причем старожилы вспоминают и то, что такие различия подчеркивали и сами горожане:

«Но у нас не было такой одежды как в городе, и с нас все смеялись, мы идем, а они смеются. Говорят, что «Колхозники идут!» Вот так нас принимали в городе».

Отмечаются различия в уровне образованности, «культурности», «цивилизованности» крестьян и горожан, причем в ряде интервью «темные», «забитые» крестьяне противопоставляются образованным, культурным горожанам:

«Город более развитый, чем село; село — село, село — темнота, больше ничего, кроме собаки и коровы больше ничего не бачили. А там и трамвай, и троллейбусы, и вообще народ более интеллигентный»;

«Что я могу сказать, как дикарка я была там»;

«Там люди были какие-то — такие прогрессивные, умнее, а наши люди забитые»;

«Люди какие-то или культурны. Мы как придем в город, кричим, громко говорим, а они на нас смотрят и смеются. Смешно им от нас. А нам ничего. Немного замолчим, затем опять ржем. А так люди как люди. Ну, культурные»;

«В селе и люди не такие. Все добуться и добуться в земле. Руки потресканы, морды черные. А в городе все культурные. Не женщины, а дамочки »;

«Люди были сельские забитые ж, а городские... А как бы ни было, а видно издали, даже по походке видно, что колхозник или городской»;

«Они культурнее жили, чем крестьяне. Смотрели, любовались...».

«Горожане — жители это городские. Очень, очень, очень высоко, очень недостижимы»;

«В городе люди вроде культурны, более связанные с культурным развитием»;

«Они много более просвещенные, болей они аккуратно ходили, то ... [...]. Они болей развиты были дети, чем мы здесь»;

«Тогда относились горожане очень хорошо к сельским. На базар приеду — нас приветствовали всегда, и место уступали»;

«Никто меня ни тронул, ни пурнул, давали дорогу, провожали, видели, что приехал глупый теленок из села».

Впрочем, у крестьян был и другой опыт, а значит, высказывалось и противоположное мнение:

«Как ехали, ну и стоят, стоят говорят, а мы сами с собой говорим, а какая-то идет женщина и... отступися, мол, она пройдет здесь. «Да проходите, что Вам негде пройти?» «Фу еще, дура колхозная. Здесь мне будешь говорить, что и как мне ходить». Вот такое было в общении с крестьянами, ни за что не считали».

«Ну культура ... С какой стороны брать. Сельские люди более совестливые, более вежливые от городских. Те нахалы, бессовестные, он тебе не встанет никогда, чтобы ты села. В селе этого нет, здесь люди более внимательны друг к другу [...]. У нас люди культурные более в селе, чем там. Ранее было Боже сохрани, чтоб там заругався — это стыдно, неудобно от людей».

Вместе с тем ряд сельских респондентов говорили о трудолюбии как о отличительной черте крестьян. При этом эта добродетель жителей сел противопоставляется «уркаганству» горожан, непривыкших к тяжелому труду:

«Я не знаю сама, но разговор такой слышала: «О, — говорят, — приехал уже урка это Юзовский там». Кто придет в гости к родственникам — да «урка» [...]. Это бандит. Уркаган. Это теперь же, а тогда называли же уркагана. Вот, значит, они по карманах лазают, там где-то что-то воруют в магазине, и ... Ну так как им нечего делать, то они находят себе, конечно, работу. Ну только она отличается от нашей, как небо от земли ... От сельской работы, я имею в виду. Так, конечно, не такие как наши дети они. Мы с детства, самого детства к работе приучены, потому что нам нужно было все делать [...]. Мы с самого детства на току, уже мы подметали, уже мы там что-то делали, перебрасывали зерно там, сушили ... А горожане этого они ничего не знают. Они лето и зиму гуляют».

Едва ли не все опрошенные горожане и крестьяне обратили внимание на различия в языке городского и сельского населения времен их детства и юношества. Крестьянам бросалось в глаза то, что в городах Северного Приазовья абсолютно доминировал русский язык («они говорили по-городскому, а мы на украинском»). Причем крестьяне, перебравшись в города, впоследствии «набирались» тамошнего языкового колорита:

«Я когда приехал в город, разговаривал на украинском языке, тяжеловато было общаться, так как в городе разговаривали на русском. А когда приезжал домой, уже разговаривал на русском, то все говорили что “вот, мол, обрусел”».

Зато горожане одной из отличительных черт крестьян называли их общения на украинском языке или «суржике». Вместе с тем, следует отметить, что языковые различия горожан отмечались жителями не только украинских, но и болгарских, греческих и других сел, заселенных преимущественно представителями национальных меньшинств.

Многие из крестьян заметили большую раскованность, «смелость», и в то же время «закрытость» горожан:

«Они смелее как-то были, что ли, какие-то они вот такие были, ну не знаю, большие приспособленные к городской жизни. Мы среди людей как-то вот терялись. Нам привычнее было жить все-таки в селе. Где всех знаешь, все о всех известно. [...] Они в городе какие-то не такие: раскрепощенные, что ли, смелые люди»;

«Мы совершенно отличались от тех людей, которые жили тут, в городе. Они были более такие, как сказать, раскованные, или как сказать... А мы были такие стеснительные люди»;

«Ну то, что меня удивляло, что это так много людей и что они идут и не здороваются. Это мы в селе каждый друг друга знаем. Но даже хотя я и не знаю, я обязательно должна поздороваться с человеком. А там же все идут и никто не здоровается, нигде ничего, проходят»;

«Мы идем, с каждым здравствуем, как в селе привыкли, а там на нас смотрят, знаете, как на глупых [смеется]»;

«И что меня поразило, все не ходят, а бегают. Все спешат, спешат. У нас в селе не так. Брат с меня долго смеялся. У нас в селе принято: знаешь ли ты человека или нет, а здравствуйте. Я в городе со всеми здоровался, а они смеются и здороваются. Брат мне говорит, что только в деревне так здороваются, а в городе не принято. Это меня поражало. Ну или трудно же поздороваться, что в этом плохого? Так, видишь, не принято!».

Симптоматично, что осознание таких существенных отличий от горожан обусловило противоположные настроения крестьян к жителям городов. Часть респондентов признались, что чувствовали некий комплекс неполноценности, а потому завидовали горожанам, обижались на них или просто недолюбливали их. Другая часть опрошенных наоборот подчеркивала преимущества крестьян перед горожанами, так же как и преимущества сельского образа жизни над городским. Наконец, ряд респондентов, воспринимая село и город как два «противоположных» или «параллельных» мира, не считали возможным сформулировать свои ощущения по поводу отличий от горожан, отвечали:

«Жили да и все. Одни в городе, а другие в селе».

Симптоматично, что только несколько респондентов-крестьян ответили, что не замечали в детстве и юношестве никакой разницы между горожанами и крестьянами.

Зато значительно большее количество подобных ответов бывших крестьян, которые в детстве или юношестве перебрались в города на постоянное место жительства.

На вопрос «Чувствовали ли Вы после переезда, что чем-то отличались от городских?» Достаточно типичны следующие ответы:

«Ну, я как-то этого не чувствовала. Я хорошо училась, я не чувствовала разницы»;

«Знать я знала, но никто не говорил, что это я городская или там такая. Все там было ровно, хорошо и всех понимала».

Вместе с тем, довольно типичным был такой взгляд переселенцев:

«В городе было гораздо лучше, чем в селе. Лучше было. И жизнь была лучше, легче. А крестьяне вообще были заброшенные, вот ...».

Ряд бывших крестьян помнит, что после переселения осознавали свое отличие от горожан, так же как и горожане понимали это различие:

«И по образованию и по грамотности мы немного отставали от них. Они говорили: «Мы городские, а вы сельские». [...] И по развитию он считал, что если он живет в городе, то он лучше всех».

При этом и некоторые бывшие крестьяне при сравнении горожан и крестьян отдавали предпочтение последним:

«Мне кажется, что раньше люди в селах были добрее, чем в городе».

Вместе с тем, большинство переселенцев в города утверждают, что понемногу стали считать себя «настоящими» горожанами, а другие горожане быстро приняли их за «своих». Для этого приходилось перенимать и городские обычаи и язык:

«В селе на украинском говорили; это я сейчас привык к городу, а тут на русском, как в селе — так я на украинском».

«Они говорили на русском языке и поэтому это для нас было как-то непривычно, что ли. Но со временем мы выучили русский язык и научились вести себя так как городские жители. Не то чтобы мы под них подстраивались, но мы перешли на их способ жизни, и это сделало нас такими же как и они».

Тогда как для одних «новоиспеченных» горожан процесс адаптации к новым условиям прошел безболезненно, другие респонденты рассказали, что сначала очень горевали и плакали за селом, откуда они переехали в город. По оценке же крестьян, их бывшие односельчане существенно изменялись, перебравшись в города

«Как приехали до родственников, к отцу, вели себя нормально. Ну токо шо он вроде выше на такую ступень чем мы, колхозники. Ну они нас называли «колхозники» и все, рабочие».

С другой стороны, «коренные» горожане также отмечали целый ряд тех же различий между жителями городов и сел, о которых говорили крестьяне. Типичный ответ:

«Мы были более такие развитые, они немножко такие забитые. В разговоре вообще невозможно было что-то понять».

Очень важно, что крестьяне, за одинокими исключениями, не судили своих односельчан, которые перебрались на постоянное место жительства в города, а во многих случаях и поддерживали с ними отношения. Со своей стороны, те горожане, которые были выходцами из сел, вспоминают, что и сами время от времени посещали свою «малую ро-

дину», иногда принимали в гости своих односельчан, и в ряде случаев переписывались с ними. Показательно, что выходцы из одного села не теряли друг друга из виду, и перебравшись в город, они продолжали общаться, помогать друг другу. В ряде случаев те, кто перебрался в город раньше, помогали пройти этот же путь и своим односельчанам.

Еще раз должна подчеркнуть, что это — лишь некоторые из наблюдений, которые можно сделать при ознакомлении с весьма информативными материалами интервью, проведенных со старожилами Северного Приазовья. Поэтому надеюсь, что эта статья выполнит свою основную задачу — пробудит интерес к материалам устноисторических экспедиций, и, возможно, к проведению таких экспедиций в дальнейшем.

Наконец, чтобы предупредить возможные ошибочные интерпретации интервью, должна напомнить довольно банальное предостережение: спецификой устноисторических свидетельств является то, что они напрямую зависят от свойств человеческой памяти. И еще одно предостережение: не следует отождествлять прочитанное в текстах — транскрипциях с объективной истиной, «исторической правдой». Устная история по своей природе во многом индивидуальная, субъективная и часто отражает не реальную действительность, а ее восприятие (упоминания) респондентом.

Таким образом, в результате проведения экспедиций и обработки их результатов были сформулированы следующие принципиальные положения:

- Урбанизационные процессы были одной из знаковых характеристик истории Северного Приазовья начиная с последней четверти XVIII века.
- Сельский элемент играл заметную роль в процессе городской колонизации региона.
- На ход урбанизации в определенной мере влиял характер восприятия новых населенных пунктов традиционным сельским населением Приазовья.
- Формирование «городского образа жизни» претерпело значительное влияние со стороны жизни сельского населения края.
- Категории «Свой» — «Чужой» были одними из определяющих в восприятии крестьянским населением края горожан.
- Города со времен своего появления играли роль форпостов унификаторской и централизаторской политики в регионе, что стало одной из причин неоднозначного отношения местного крестьянского населения к городскому образу жизни.

Материалы проведенных устноисторических экспедиций дают возможность словно увидеть глазами жителей Северного Приазовья первой половины XX в. урбанизационные процессы этого периода, сделать ряд наблюдений относительно того, насколько глубоко в сознании городских жителей региона укоренились мифы и стереотипы относительно крестьян-переселенцев и *vice versa*.

Практическое значение работы заключается, между прочим, в том, что ее итоги стали важной составляющей источниковой базы исследований по региональной истории; сохранен для дальнейшей обработки массив источников, носителей которого, старожилов населенных пунктов края, с каждым годом остается все меньше.

Список источников и литературы

1. Бастрыга И., Лыман И. Начала истории Бердянска. — Запорожье: б.и., 2002. — 132 с.
2. Баханов К. А., Лыман И. И. Бердянск в дневниках титулярного советника В. К. Крыжановского // Крыжановский В. К. Дневники. — Запорожье: Просвіта, 2002. — 218 с., ил.
3. Бердянська чоловіча гімназія (1901–1919 роки) / Упорядники: І.І. Лиман, В.М. Константинова // Матеріали з історії Бердянського державного педагогічного університету. Том II. — К.: «Освіта України», 2007. — 631 с.
4. Бердянська чоловіча гімназія (остання третина XIX століття) / Упорядники: В. М. Константинова, І. І. Лиман // Матеріали з історії Бердянського державного педагогічного університету. Том I. — К.: «Освіта України», 2006. — 528 с.
5. «Бердянський літописець» Василь Крижанівський // Упорядники: І.І. Лиман, В. М. Константинова. — Бердянськ — Київ — Едмонтон: РА «Тандем – У», 2007. — 300 с.
6. Константинова В. М. «Свої – чужі?»: взаємні міфи та стереотипи в свідомості українського та польського населення Північного Приазов'я (за матеріалами історико-археографічних експедицій) // *Mity i stereotypy w dziejach Polski i Ukrainy w XIX i XX wieku* / red. Andrzej Czyżewski, Rafał Stobiecki, Tomasz Toborek, Leonid Zaskilniak. — Warszawa – Łódź, 2012. — S. 171 – 180.
7. Константинова В. Н. Северное Приазовье: исследование устной истории как составляющая исторической урбанистики // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. Гуманитарные науки. — Таганрог: Изд. центр Таганрог. гос. пед. ин-та, 2009. № 2. — С. 362 – 367.
8. «Кращий порт Азовського моря». Літопис історії Бердянська очима кореспондентів «Одеського Вісника» (1861 – 1875 рр.) // Упорядники: І. І. Лиман, В. М. Константинова. — Бердянськ – Таганрог: РА «Тандем – У», 2007. — 402 с.
9. Лиман І. І. Австралійське видання єврейських наративів Північного Приазов'я // Музейний вісник. — № 11/2. — Запоріжжя, 2011. — С. 106 – 108.
10. Лиман І. І. Усноісторичне дослідження трансформації релігійності населення Північного Приазов'я // Покликання. Збірник праць на пошану професора о. Юрія Мицика / Редкол. П. Сохань, А. Бойко, В. Брехуненко та ін. — К., 2009. — С. 514 – 524.
11. Лыман И.И. Бердянск и Таганрог в австралийском издании воспоминаний Рафаила и Елены Кабо // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. Гуманитарные науки. — Таганрог: Изд-во Таганрог. гос. пед. ин-та, 2011. № 2. — С. 37 – 40.
12. Лыман И. И. Организация устноисторических экспедиций с целью изучения конфессиональной жизни Южной Украины // Сравнительное изучение религиозных традиций: Россия, Восточная Европа, постсоветское пространство: сб. авторских программ и материалов учебных курсов / сост. К.Г. Кацадзе, И.Н. Кодина. — Иваново: Иван. гос. ун-т, 2010. — С. 307 – 319.
13. Лыман И. И. Устноисторическое исследование духовной истории Северного Приазовья // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. Гуманитарные науки. — Таганрог: Изд. центр Таганрог. гос. пед. ин-та, 2009. № 2. — С. 367 – 372.

14. Методичні рекомендації до видання джерел усної історії // Усна історія Степової України / Запорізький край. — Запоріжжя: АА Тандем, 2008. — Т. 1. — С. LV – LXV.
15. «Повітова столиця». Літопис історії Бердянська очима кореспондентів «Одеського Вісника» (1876 – 1893 рр.) // Упорядники: І. І. Лиман, В. М. Константінова. — Бердянськ – Невинномиськ: РА «Тандем – У», 2007. — 380 с.
16. Селяни і місто: феномен сприйняття урбанізаційних процесів у селянській традиції (матеріали історико-археографічних експедицій Північним Приазов'ям) / Упорядник В. М. Константінова. — К., 2012. — 416 с.
17. Трансформації релігійності в умовах полікультурного регіону (матеріали археографічних експедицій Північним Приазов'ям) / Упорядник І.І. Лиман. — Запоріжжя: АА Тандем, 2011. — 360 с.
18. Чоп В. М., Лиман І. І. «Вольный Бердянск»: місто в період анархістського соціального експерименту (1918 – 1921 роки). — Запоріжжя: РА «Тандем – У», 2007. — 478 с.
19. «Юне місто». Літопис історії Бердянська очима кореспондентів «Одеського Вісника» (1827 – 1860 рр.) // Упорядники: І.І. Лиман, А.М. Піменов. — Бердянськ – Ростов-на-Дону: РА «Тандем – У», 2007. — 358 с.
20. Lyman I., Konstantinova V. Organizing and conducting oral historical expeditions as an innovation in education (experience of Berdyansk state pedagogical university) // The fifth international conference “Education and innovation”. Gori state teaching university, Georgia. — GORI, 2012. — P. 39 – 43.

И. И. Лыман

АНТИ-«ГОРОД-НЕВЕСТ»?:

ОБРАЗ ЗАПОРОЖЬЯ КАК «КАЗАЧЬЕГО МУЖСКОГО СОЮЗА», ИЛИ «НА ЗАПОРОЖСКУЮ СЕЧЬ ЖЕНЩИН НЕ ПУСКАЛИ»

В формировании стереотипов восприятия городов, регионов, стран немаловажную роль играет историческая традиция, которая, в свою очередь, базируется отнюдь не исключительно на «реальной конкретно-исторической основе». Будучи в Иванове, мне неоднократно приходилось слышать о нём как о «городе невест» и о том, что нынешняя демографическая ситуация уже довольно давно этому образу не соответствует. Как представителю Запорожского края и исследователю, в том числе и истории запорожского казачества, мне тогда пришла мысль: а ведь образ Иваново является прямо противоположным образу Запорожья казачьих времен, который, с некоторыми корреляциями, эксплуатируется и доныне! Обращение к проблеме региональных идентичностей, дает прекрасную возможность для дальнейших размышлений о характере соотношения исторических реалий и мифов, о механизмах формирования последних, о специфике влияния на образы определенных территорий реальных фактов, событий, процессов и тенденций, имевших место в прошлом, их